

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 327

19 декабря 2024 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе, рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по обращению судьи ... городского суда ... области М. от 21 августа 2024 года (вх. № ...) в отношении адвоката Л. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 23 октября 2024 года вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по обращению судьи ... городского суда ... области М. от 21 августа 2024 года № ... (вх. № ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Л., извещенная надлежащим образом, в заседание Совета не явилась, письменно уведомила о получении заключения Квалификационной комиссии, ознакомлении и согласии с ним, просила рассмотреть дисциплинарное производство в ее отсутствие (вх. № ...).

Руководствуясь положениями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие неявившихся участников.

Рассмотрев дисциплинарное производство, Совет соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

В производстве ... городского суда ... области находится уголовное дело № ... по обвинению Ж. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ.

Защиту обвиняемого Ж. по указанному уголовному делу на основании заключенного соглашения осуществляет адвокат Л.

По ходатайству защиты в судебное заседание 06 августа 2024 года в 10 часов 00 минут был вызван и явился свидетель Жи. После его удаления из зала и продолжения судебного разбирательства адвокат Л. ходатайствовала о дополнительном допросе также явившегося специалиста А. Указанное ходатайство было удовлетворено. Прибывший ранее свидетель Жи. допрошен в судебном заседании не был. В связи с ходатайством адвоката Л. о постановке перед специалистом А. дополнительного вопроса ей было объявлено замечание председательствующим судьей «за нарушение регламента судебного заседания». Государственный обвинитель Г. заявила отвод специалисту А. В 11 часов 41 минуту 06 августа 2024 года председательствующий огласила вводную и резолютивную части постановления об отводе специалиста А., после чего в судебном заседании был объявлен перерыв до 14 часов 00 минут этого же дня.

После продолжения судебного заседания в 14 часов 11 минут 06 августа 2024 года адвокатом Л. было заявлено ходатайство об отложении судебного заседания, мотивированное тем, что копия постановления судьи об отводе специалиста А. была вручена ей лишь в 12 часов 13 минут, в связи с чем ей не хватило времени для подготовки письменного заявления об отводе судьи. В ответ на указание судьи на то, что в суд приглашен свидетель по ходатайству адвоката Л., последняя пояснила, что сторона защиты самостоятельно определяет порядок представления доказательств, и без рассмотрения заявления об отводе судьи продолжение рассмотрения уголовного дела невозможно. Однако в удовлетворении ходатайства об отложении судебного разбирательства было отказано.

В связи с указанным процессуальным решением адвокат Л, 06 августа 2024 года неоднократно возражала против действий председательствующего, ссылаясь на невозможность продолжения судебного следствия и допроса свидетеля Жи. без предоставления ей достаточного времени и возможности для подготовки письменного заявления об отводе судьи.

После этого председательствующий судья разрешил свидетелю Жи. покинуть зал судебного заседания, объявив в 14 часов 21 минуту 06 августа 2024 года перерыв до 15 часов 00 минут этого же дня.

После возобновления судебного заседания адвокат Л, в него не явилась, о чем суду сообщил подсудимый Ж., пояснивший, что она в настоящее время готовит заявление об отводе председательствующего, поскольку на подготовку такого заявления ей не хватило времени.

Судебное заседание было отложено на 07 августа 2024 года. В этот день адвокат Л, лично объяснила в судебном заседании свою неявку в судебное заседание 06 августа 2024 года подготовкой письменного заявления об отводе председательствующего, которое было ею заявлено и приобщено к материалам уголовного дела. Согласно протоколу судебного заседания от 07 августа 2024 года адвокату Л. было объявлено замечание «за нарушение регламента судебного заседания» в ответ на ее ходатайство о вручении ей

копии постановления об отказе в удовлетворении заявления об отводе судьи. В этом же судебном заседании адвокату Л. было объявлено председательствующим еще одно замечание в связи с заявлением о том, что государственный обвинитель вводит суд в заблуждение относительно заявлений подсудимого Ж.

Заявитель в своем обращении выдвигает в отношении адвоката Л. дисциплинарные обвинения в том, что последняя:

1) перебивает председательствующего и государственного обвинителя, без разрешения делает заявления, задает вопросы председательствующему, в том числе касающиеся оценки судом доказательств, требуя немедленного ответа; на многочисленные замечания по поводу соблюдения распорядка судебного заседания должным образом не реагирует; перебивает допрашиваемых свидетелей, комментирует их ответы, вступает с ними в полемику, не дает полностью ответить на вопросы; зачастую задает свидетелям вопросы, состоящие из нескольких многосложных предложений, содержащих ее собственные пояснения и комментарии; многократно повторяет одни и те же вопросы; игнорирует предложения формулировать вопросы свидетелям ясно, кратко и корректно;

2) 06 августа 2024 года настояла на дополнительном допросе специалиста, а затем на объявлении в судебном заседании перерыва для подготовки заявления об отводе судьи, в связи с чем суд не смог приступить к допросу явившегося 06 августа 2024 года в 10 часов 00 минут свидетеля, вызванного по ходатайству стороны защиты;

3) 06 августа 2024 года после объявления судом перерыва в судебном заседании до 14 часов 00 минут 06 августа 2024 года опоздала в судебное заседание на 11 минут;

4) 06 августа 2024 года после объявления судом перерыва в судебном заседании до 15 часов 00 минут этого же дня не явилась в судебное заседание, не сообщив суду об уважительности причин своей неявки, что привело к отложению судебного разбирательства на 07 августа 2024 года.

Адвокат Л. выдвинутые дисциплинарные обвинения последовательно отрицала, настаивала, что каких-либо нарушений норм УПК РФ, требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуры, а также профессиональной этики ею не допущено. 06 августа 2024 года она в строгом соответствии с ч. 1 ст. 274 УПК РФ, согласно которой последовательность исследования доказательств определяется стороной, представляющей доказательства суду, настаивала на допросе явившегося специалиста до допроса свидетеля. В судебное заседание 06 августа 2024 года, назначенное на 14 часов 00 минут, она не опаздывала. Заседание было начато с задержкой по иным причинам. В дальнейшем она не смогла явиться в судебное заседание к 15 часам 00 минут, поскольку ей не хватило времени на подготовку заявления об отводе судьи, а, кроме того, в городе ... ухудшились погодные условия, из-за чего все улицы были затоплены. О своем отсутствии она сообщила подзащитному Ж., а в ходе следующего судебного заседания лично объяснила причины неявки суду.

Рассматривая первую группу выдвинутых против адвоката Л. дисциплинарных обвинений, Совет отмечает их неконкретность. Из обращения заявителя не усматривается ни время совершения адвокатом Л. действий, которые им рассматриваются в качестве дисциплинарных проступков, ни описание этих действий. Заявителем не указано, когда именно адвокат Л. перебивала председательствующего, государственного обвинителя, допрашиваемых свидетелей, когда и какие именно делала заявления и задавала вопросы без разрешения председательствующего, когда и какие именно вопросы «многократно повторяла». Не приводится в рассматриваемом обращении и сведений о том, когда были адвокату Л. объявлены «многочисленные замечания по поводу соблюдения порядка судебного заседания», в чем именно выразилось поведение адвоката Л., оцениваемое заявителем как «комментирование ответов свидетелей» и «вступление в полемику со свидетелями», а также как «недолжное реагирование» на замечания и предложения председательствующего. При этом адвокат Л. в ходе дисциплинарного разбирательства последовательно настаивала на том, что при постановке перед свидетелями вопросов, а также реализации ею прочих полномочий защитника в уголовном судопроизводстве она руководствовалась нормами уголовно-процессуального закона, требованиями профессиональной этики адвоката и интересами своего доверителя – подсудимого Ж.

Совет отмечает, что конкретность обвинения является общеправовым принципом и необходимой предпосылкой реализации лицом, против которого выдвинуто обвинение, права на защиту. Такой позиции придерживается и высшая судебная инстанция. Так, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 года № 226-О отмечено, что обвинение отражает фактические обстоятельства преступного деяния и указывает на конкретные признаки состава преступления в том виде, в каком они установлены органами предварительного расследования и сформулированы в специальном процессуальном документе (постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, обвинительном акте, обвинительном постановлении). Применяя указанные положения по аналогии, Совет считает правильным использование в дисциплинарной практике органов адвокатского самоуправления и в данном конкретном случае подхода, в соответствии с которым уклонение участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, от конкретизации обвинения обязывает правоприменяющий орган толковать все сомнения в пользу лица, против которого выдвинуто обвинение в ненадлежащем поведении.

В данном случае к обращению заявителя не были приложены какие-либо документы, а в ответ на запрос Адвокатской палаты города Москвы, содержащий в том числе просьбу о предоставлении документов в обоснование изложенных в обращении доводов, в материалы дисциплинарного производства поступил протокол судебного заседания

лишь в части двух дат судебного заседания – 06 и 07 августа 2024 года. Из содержания этих частей протокола судебного заседания следует, что 06 августа 2024 года замечание «за нарушение регламента судебного заседания» объявлено адвокату Л. в связи с ее ходатайством о постановке перед специалистом А. дополнительного вопроса. 07 августа 2024 года замечание «за нарушение регламента судебного заседания» адвокату Л. объявлено в ответ на ее ходатайство о вручении ей копии постановления об отказе в удовлетворении заявления об отводе судьи. В тот же день аналогичная реакция председательствующего последовала на заявление адвоката Л. о том, что государственный обвинитель вводит суд в заблуждение относительно заявлений подсудимого Ж. Однако заявителем не указано, какие именно сведения, содержащиеся в соответствующих частях протокола судебного заседания, рассматриваются им как доказательства выдвинутых против адвоката Л. дисциплинарных обвинений. Это не позволяет прийти к выводу о том, что дисциплинарные претензии заявителя вызвали именно вышеуказанные ходатайства и заявления адвоката Л. Самостоятельное отыскание фактических оснований дисциплинарных обвинений не входит в полномочия органов адвокатского самоуправления и противоречит п. 4 ст. 23 и п. 4 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет не усматривает из представленных заявителем частей протокола судебного заседания высказываний, свидетельствующих о проявлении адвокатом Л. неуважения к суду и лицам, участвующим в деле. Процессуальная реакция заявителя на поведение адвоката сама по себе не может предопределять привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности. В соответствии со ст. 243 УПК РФ председательствующий руководит судебным заседанием и обеспечивает соблюдение его распорядка, однако для целей дисциплинарного производства придаваемая им поведению защитника-адвоката процессуальная квалификация не имеет для органов адвокатского самоуправления преюдициального значения. В свою очередь, Совет не усматривает в вышеупомянутых ходатайствах и заявлениях адвоката Л. нарушений норм профессиональной этики адвоката. Они направлены на защиту прав и интересов ее доверителя – подсудимого Ж., сделаны в корректной форме, в пределах полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ. Регламент судебного заседания предусмотрен ст. 257 УПК РФ, и заявителем не указано, в чем именно заключались его нарушения при реализации адвокатом Л. вышеуказанных полномочий.

Из взаимосвязанных положений ст. 2, 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 5, 8 Кодекса профессиональной этики адвоката следует, что адвокат свободен в выборе тактики защиты и обязан согласовывать ее только со своим подзащитным. Предусмотренный ст. 278 УПК РФ порядок допроса свидетелей не содержит специальных требований к содержанию задаваемых свидетелям вопросов, тогда как в силу требований ст. 17 УПК РФ судья оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному

на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Таким образом, порядок, предмет и стилистическое построение задаваемых свидетелю вопросов определяются адвокатом как независимым профессиональным советником по правовым вопросам, исходя из интересов своего доверителя, а потому реализация адвокатом избранной им тактики допроса в отсутствие проявления неуважения к суду и лицам, участвующим в деле, не может рассматриваться как дисциплинарный проступок.

Учитывая изложенное, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о необоснованности рассматриваемой группы дисциплинарных обвинений.

Переходя к рассмотрению доводов заявителя о том, что адвокат Л. Об августа 2024 года настояла на дополнительном допросе специалиста, а затем на объявлении в судебном заседании перерыва для подготовки заявления об отводе судьи, в связи с чем суд не смог приступить к допросу явившегося свидетеля, вызванного по ходатайству стороны защиты, Совет отмечает, что из обращения заявителя, а также из протокола судебного заседания от 06 августа 2024 года усматривается, что сторона защиты в этот день приступила к представлению доказательств. При этом согласно ч. 1 ст. 274 УПК РФ очередность исследования доказательств определяется стороной, представляющей доказательства суду. Таким образом, адвокат Л. как защитник подсудимого Ж. имела право самостоятельно определять очередность представления доказательств в соответствии с выработанной ею тактикой осуществления защиты, вне зависимости от фактической явки в судебное заседание свидетеля Жи.

Не образуют дисциплинарного проступка и возражения адвоката Л. против допроса свидетеля Жи., заявленные после того, как судом было удовлетворено заявление государственного обвинителя об отводе специалиста А. В силу п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, «каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения как минимум на следующие гарантии на основе полного равенства: <...> иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником» (пп. «b»). Согласно ч. 3 ст. 47 УПК РФ, обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите. Реализация этих процессуальных прав является важной составляющей права на защиту и предполагает создание судом условий для исполнения защитником его процессуальных обязанностей, что прямо предусмотрено ч. 3 ст. 15 УПК РФ. В связи с этим заявление адвокатом Л. ходатайств сначала о выдаче ей копии постановления об отводе специалиста А., а затем об отложении судебного заседания для подготовки заявления об отводе председательствующего судьи не могут рассматриваться в качестве действий, дезорганизующих судебное разбирательство, поскольку они направлены на исполнение адвокатом

профессиональных обязанностей перед доверителем и создание условий для оказания ему квалифицированной юридической помощи.

При таких обстоятельствах, Совет приходит к выводу о том, что невозможность приступить к допросу явившегося 06 августа 2024 года в судебное заседание свидетеля Жи. была обусловлена процессуальной ситуацией, сложившейся помимо воли адвоката Л. – в связи с удовлетворением судом заявления государственного обвинителя об отводе специалиста А. и необходимостью реагирования на данное процессуальное решение в соответствии с избранной адвокатом Л. тактикой защиты подсудимого Ж.

Совет вновь повторяет, что не считает допустимым вмешиваться в тактику, определяемую самим адвокатом при ведении конкретного дела. Являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам (абз. 1 п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), адвокат самостоятельно определяет тот круг юридически значимых действий, которые он вправе и обязан совершить в интересах доверителя на основании заключенного с последним соглашения об оказании юридической помощи. Общими ориентирами при этом для адвоката служат положения п. 2 ст. 2 и п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также предписания соответствующего отраслевого (процессуального) законодательства. Совет также считает, что самостоятельное и независимое толкование закона является неотъемлемым правом адвоката как независимого советника по правовым вопросам. Верховный Суд Российской Федерации в Определении от 12 февраля 2007 года № 83-О06-23СП высказал аналогичную позицию, указав, что тактику защиты адвокат, допущенный к участию в деле в качестве защитника, определяет самостоятельно, согласуя позицию со своим подзащитным.

При указанных обстоятельствах, презумпция добросовестности адвоката Л. в данной части признается Советом неопровергнутой.

Давая оценку дисциплинарному обвинению в нарушении адвокатом Л. положений ст. 12 и 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в ее опоздании в судебное заседание 06 августа 2024 года на 11 минут, Совет отмечает следующее.

Адвокат Л. факт своего опоздания в судебное заседание последовательно отрицала. При этом из протокола судебного заседания от 06 августа 2024 года не усматривается ни то, что в 14 часов 00 минут заседание было продолжено, ни то, что председательствующим обсуждался вопрос о возможности рассмотрения уголовного дела при фактической явке. Таким образом, доводы адвоката Л. о том, что она с 14 часов 00 минут 06 августа 2024 года находилась у входа в зал судебного заседания, которое было продолжено лишь в 14 часов 11 минут по причинам, не связанным с ее опозданием, не опровергнуты. Указание же в протоколе судебного заседания на то, что оно продолжено в 14 часов 11 минут 06 августа 2024 года «из-за

опоздания защитника», является декларативным утверждением, которое не может быть положено в основу вывода о несвоевременной явке адвоката Л.

По этим причинам Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Л. непровергнутой и в данной части.

Давая оценку обстоятельствам неявки адвоката Л. в судебное заседание 06 августа 2024 года после объявления перерыва в нем до 15 часов 00 минут, Совет отмечает, что согласно Разъяснениям № 3 Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «О неявках в судебное заседание», «если разбирательство дела откладывается в связи с непредвиденными или чрезвычайными обстоятельствами в жизни адвоката, о которых он сообщает суду срочным звонком либо через своих коллег, родственников или иных лиц, ему следует затем представить суду официальный или личный документ, подтверждающий уважительность его неявки, даже если суд не обращает к нему подобной просьбы» (*Вестник Адвокатской палаты города Москвы. 2007. № 4-5(42-43). С. 15-18*).

По смыслу вышеуказанных Разъяснений информирование суда о причинах неявки адвоката в судебное заседание возможно через коллег адвоката, его родственников или иных лиц. В данном случае таким лицом являлся подсудимый Ж. Так, из протокола судебного заседания от 06 августа 2024 года усматривается, что после продолжения судебного заседания в 15 часов 11 минут этого же дня судом установлена неявка в судебное заседание защитника – адвоката Л. В ходе обсуждения вопроса о возможности рассмотрения уголовного дела в ее отсутствие подсудимый Ж. пояснил, что адвокат Л. «пишет ходатайство», а также, что она сообщила ему, что «нужно было откладывать судебное заседание, ей столько времени недостаточно, она готовится, пишет». На вопрос председательствующего: «Где защитник пишет ходатайство?», подсудимый Ж. сообщил, что адвокат Л. «находится в гостинице». Таким образом, суд был проинформирован подсудимым Ж. о причине неявки адвоката Л. в судебное заседание и ее местонахождении.

Кроме того, из протокола судебного заседания от 07 августа 2024 года усматривается, что уже на следующий день адвокат Л., лично объяснила суду причину своей неявки в судебное заседание к 15 часам 00 минутам 06 августа 2024 года, сообщив, что ей было необходимо время для подготовки письменного заявления об отводе судьи, которое «получилось объемным» и могло быть распечатано только в гостинице.

Исходя из установленных и описанных выше обстоятельств настоящего дисциплинарного производства, поведение адвоката Л. было продиктовано необходимостью надлежащего исполнения возложенных на нее профессиональных обязанностей по оказанию квалифицированной юридической помощи подсудимому Ж. Так, после объявления судом перерыва в судебном заседании она покинула здание суда для подготовки и распечатывания письменного заявления об отводе судьи, поскольку необходимая для этого оргтехника находилась в гостинице. Указанные доводы адвоката Л. подтверждаются представленным ею в материалы дисциплинарного производства заявлением об отводе судьи от 06 августа

2024 года на шести листах. Своевременность и активность защиты прав и законных интересов доверителя являются обязательными условиями реализации его конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, а председательствующий по смыслу положений ч. 3 ст. 15, ч. 2 ст. 16, ч. 1 ст. 243 УПК РФ должен способствовать обеспечению получения подсудимым такой юридической помощи. Таким образом, действия адвоката Л., фактически направленные на квалифицированную подготовку процессуального документа, в данном случае были обусловлены как исполнением обязанностей перед доверителем Ж., так и публично-правовых обязанностей перед правосудием. Вызванная лишь следованием профессиональному долгу причина неявки адвоката Л. в судебное заседание являлась уважительной. При этом Совет учитывает, что длительность перерыва в судебном заседании была установлена председательствующим без учета мнения адвоката Л. о времени, необходимом ей для подготовки заявления об отводе судьи, что и стало одним из факторов, обусловивших последующее отложение судебного разбирательства на 07 августа 2024 года.

Кроме того, нашли подтверждение и объяснения адвоката Л. о резком ухудшении погодных условий в городе ... в указанный день около 15 часов. В заключении Квалификационной комиссии приведены соответствующие доказательства этого факта.

Такая совокупность обстоятельств исключает возможность оценки профессионального поведения адвоката Л. в данной части как направленного на дезорганизацию судебного разбирательства и образующего нарушение требований статей 12 и (или) 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) по жалобе судьи ... городского суда ... области М. от 21 августа 2024 года (вх. № ...), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков